

Революция и террор

Эррико Малатеста

1924

Эррико Малатеста
Революция и террор
1924

Американские известия. 1924. №155. С. 2-3.
Малатеста рассуждает о революционном терроре и о том
к чему он приводит, предостерегая будущие поколения
революционеров.

ru.theanarchistlibrary.org

В виду грядущих — возможно, близких — событий...

В настоящей статье я не буду касаться вопроса о том, каким образом могла бы быть свергнута тирания, под гнетом которой задыхается в данное время итальянский народ. Задача, которую мы себе здесь ставим, заключается в наиболее отчетливом и рельефном выявлении наших идей и в моральном приготовлении масс, в виду назревающих в более или менее отдаленном или близком будущем событий — ибо это единственное, что представляется нам сейчас возможным и целесообразным. Впрочем, если бы мы даже и верили, что момент для более решительных действий уже наступил — нам тем паче пришлось бы воздержаться от всяких рассуждений на эту тему.

Ограничусь, таким образом, некоторыми предположениями и догадками по поводу перспектив, связанных с победоносным народным восстанием и теми методами насилия, применение коих одними горячо рекомендуется в интересах «торжества справедливости», а другими почитается даже «необходимым» — для обороны Революции от козней ее многочисленных врагов.

Оставлю в стороне «справедливость», как понятие весьма относительное, которым всегда пользуются как предлогом для всякого рода несправедливостей и притеснений, и за которым часто не скрывается ничего, кроме жажды мести. Ненависть и стремление отомстить за обиду суть естественные и неискоренимые эмоции (чувства), возбуждаемые и питаемые угнетением; будучи полезными, в известном смысле, когда нам необходимо сбросить давящее нас ярмо, они становятся отрицательной силой, поскольку мы стремимся заменить современную систему угнетения не каким-либо иным видом гнета, но общечеловеческой солидарностью, свободой и братством. Вот почему мы должны прилагать все усилия к тому, чтобы пробуждать в массах эмоции высшего порядка, под влиянием которых наша душевная энергия устремляется как бы по иному пути, проявляясь в искреннем тяготении и неугасимой любви к Добру; — с другой стороны, не следует подавлять тех мощных, стихийных импульсов, которые вытекают как из положительных, так и из отрицательных факторов, и являются столь необходимыми для конечной победы. Предоставим массе идти по тому пути, на который увлекает ее стихийный порыв — если для того чтобы направить ее на «лучший путь» необходимо наложить на нее узду, что выльется неизбежно в форму новой тирании; но не будем забывать в то же время, что мы, анархисты, не можем быть ни мстителями, ни поборниками «справедливости». Ибо цель наша заключается в раскрепощении человечества, и достижению этой высокой цели мы обязаны способствовать словом и делом.

Перехожу ко второму вопросу, несравненно большего значения — к тому единственному серьезному аргументу, который был выдвинут по этому поводу моими критиками — к вопросу о революционной обороне.

Многих из наших товарищей и по сие время еще соблазняет идея террора. Гильотина, расстрелы, массовые убийства, «галеры» («виселица и галеры» (т. е. каторжные работы) — как заявил мне недавно один из виднейших коммунистов) — все это в их глазах является необходимым и могущественным орудием Революции; и если большинство революций закончилось крахом или не оправдали возлагавшихся на них надежд, то причина этому, по их мнению, кроется в слабоумии, «мягкотелости» их вождей, не имевших мужества «подавлять», «преследовать» и «убивать» в достаточной мере.

Это — предубеждение, весьма распространенное в определенном кругу революционеров, навеянное риторикой и историческими фальсификациями апологетов Великой Французской Революции, и усилившееся за последние годы благодаря большевистской пропаганде. Истина, однако, заключается в обратном: во все времена террор был орудием деспотизма. Во Франции он служил слепой тирании Робеспьера, предуготовив путь для Наполеона и последовавшей затем реакции. В России он привел к суровым гонениям на социалистов и анархистов, и массовым убийствам рабочих и крестьянских повстанцев, и в результате вызвал разложение того прекрасного революционного порыва, который, казалось, мог бы действительно открыть собой новую эру в цивилизации.

Те, кто верит в действительность, в полезность и реальное значение для дела Революции и раскрепощения, подобных суровых репрессий, мыслят не менее косно и ретроградно, чем пресловутые педанты-юристы, мечтающие об искоренении преступности и насаждении всеобщей нравственности с помощью «грозной кары закона».

Террор, подобно войне, пробуждает дремлющие в нас дикие, атавистические инстинкты, едва прикрытые внешним лоском цивилизации и выдвигает в первые ряды худ-

шие элементы народа. Вместо того, чтобы служить делу защиты Революции, он скорее дискредитирует, делает ее одиозной в глазах масс, и после продолжительной ожесточенной борьбы приводит неизбежно к так называемой «нормализации», т.е. к узаконению и упорядочению тирании. На чьей бы стороне ни оказалась победа, результатом ее всегда бывает утверждение сильной Власти, обеспечивающей одним — мирное существование, ценой их свободы, другим — возможность управлять, без излишнего риска.

Анархисты-террористы (*вернее — немногие представители этой секты*), насколько мне известно, отвергают идею организованного террора, проводимого по предписаниям правительства его агентами; сам народ, непосредственно, — по их убеждению — должен предавать смерти своих врагов. Но это только ухудшило бы положение. Если идея террора вызывает сочувствие фанатиков, то особенно она улыбается настоящим преступникам, жадным до денег и крови. Не следует также идеализировать массу, воображая, что она состоит исключительно из простых и честных людей, способных, порой, на эксцессы, но одушевленных всегда самыми лучшими намерениями. Ведь и сыщики и фашисты, находящиеся ныне в услужении у буржуазии, вышли также из недр народа!

Фашизм, собравший под своими знаменами множество преступников, явился своего рода предварительным фильмом, очистившим до известной степени ту среду, в которой разовьется грядущая революция. Не следует думать, однако, будто все Думини и все Цезарино Росси находятся непременно в рядах фашистов. Некоторые из них, в силу тех или иных причин, не захотели или не смогли надеть личину фашистов и творить именем «партии» все ей благоугодное, тогда как раньше они, быть может, склонны были действовать во имя революции. С другой стороны, — подобно пиратам, всегда готовым поддержать любой

режим и стать его послушным и ревностным орудием — сегодняшние фашисты поспешат на завтра же объявить себя анархистами, коммунистами — всем чем угодно — лишь бы сохранить за собой свои деспотические привилегии, возможность удовлетворять свои преступные инстинкты. И если такое превращение окажется для них невозможным на родине, где они слишком скомпрометированы, пользуются слишком печальной известностью — в таком случае они отправятся «делать революцию» за границей, причем постараются выдвинуться и сделать карьеру, проявляя больше энергии и жестокости нежели другие и величая «умеренными», «трусами», «шкурниками» и «контр-революционерами», всех тех, кто мыслит революцию как величайшее дело Добра и Любви.

Бесспорно, в охране и развитии революции нужно быть непреклонным и последовательным до конца, но не следует оберегать ее с помощью средств, противоречащих ее органическим принципам и целям.

Единственное, чем можно подлинно охранять революцию — это лишение буржуазии всех источников ее экономического превосходства и всеобщее вооружение народа — поскольку нет возможности убедить всех и каждого отказаться совершенно от употребления оружия, как бесполезной и опасной игрушки; чрезвычайно важно, при этом, чтобы широкие трудовые массы были заинтересованы непосредственно и кровно в победе.

Ибо победе для коей необходимо воздвигнуть гильотины на площади, предпочтем мы поражение!